

что не было забыто совѣтъ и формальное развитіе: собственно для него назначалось преподаваніе логики. Преподаваніе ариѳметики и геометріи, имѣя и реальныя цѣли, конечно, должно было также очень содѣйствовать ему. Изъ того, что студентамъ университетовъ совѣтовалось заниматься нѣсколько времени своимъ общимъ образованіемъ, видно, что Лейбницъ не отводилъ ему особенно виднаго мѣста въ низшихъ и среднихъ школахъ, считая его какъ бы достояніемъ людей, получающихъ высшее образованіе. Конечно, не всему, что высказалъ Лейбницъ, можно сочувствовать въ наше время, но нѣкоторые его взгляды заслуживаютъ вниманія; напримѣръ, мысль связать науку съ жизнью, связать органически академію наукъ съ обществомъ, поставивши въ прямыя отношенія къ представителямъ науки учебное дѣло и распространеніе знаній въ обществѣ, вполне достойна великаго мыслителя. Если бы осуществилась вполне эта мысль, то наука выиграла бы въ жизненности, а общество — въ просвѣщеніи.

Педагогическіе взгляды свои Лейбницъ болѣе или менѣе высказываетъ и въ другихъ письмахъ въ Россію; наконецъ, онъ имѣлъ возможность сообщить ихъ и самому Петру, особенно во время пребыванія его въ Пирмонтѣ. Во всякомъ случаѣ по распоряженіямъ Петра относительно школъ можно думать, что письма и проекты Лейбница не прошли безслѣдно для русскаго образованія. Прежде всего Петръ Великій обратилъ вниманіе на образованіе духовенства. Невѣжество въ этомъ сословіи было опаснѣйшимъ врагомъ преобразовательныхъ стремленій Петра. Онъ рано могъ замѣтить относительно церкви «много нестроенія» и «великую въ дѣлахъ скудость». Теофанъ Прокоповичъ, правая рука Петра по церковнымъ дѣламъ и вѣрный истолкователь предъ народомъ дѣлъ и намѣреній Петровыхъ, говоритъ въ Духовномъ Регламентѣ: «Когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію, нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ и безумнымъ ересямъ». Печальнымъ состояніемъ образованности духовенства Регламентъ объясняетъ происхожденіе и изувѣрства раскола. Мы видѣли, что Петръ уже въ бесѣдѣ съ Адріаномъ высказалъ свое желаніе, чтобы на образованіе духовенства было обращено больше

попеченій. Но при жизни Адріана и существующее эллино-греческое училище пришло въ совершенный упадокъ. Это ясно видно изъ письма Курбатова къ Петру въ октябрѣ 1700 года: «Школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха и управленіемъ монаха Палладія, въ разстройствѣ: ученики, числомъ 150, очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолоки и печи обвалились» ¹⁾. Кромѣ того, непрерывная смѣна наставниковъ въ этой школѣ, послѣ Лихудовъ, сокращеніе предметовъ ученія и гоненіе на греческій языкъ указывали на упадокъ ея. Въ такомъ положеніи была она, когда Петръ въ 1701 году ввѣрилъ ее попеченію Стефана Яворскаго, который принялъ титулъ протектора ея. Школа эта была преобразована совершенно по образцу Кіевской академіи: вмѣсто греческаго языка, преобладающимъ (по указу Петра іюля 7-го 1701 г.) сдѣлался латинскій языкъ, господствовавшій тогда въ наукѣ. Преобразованная славяно-латинская академія сначала имѣла наставниковъ изъ Кіева, которые внесли въ нее всѣ порядки въ преподаваніи и воспитаніи, весь духъ Кіевской академіи. Такъ какъ изъ этихъ двухъ академій выходило большинство наставниковъ въ различныя школы не только времени Петра, но и позднѣйшія, то понятно, что академіи имѣли поэтому огромное вліяніе на ходъ русскаго школьнаго обученія и воспитанія въ XVIII вѣкѣ. Считаемо нелишнимъ остановиться немного на нихъ и привести изъ ихъ исторіи нѣсколько наиболее характерныхъ чертъ. Изъ исторіи Кіевской академіи видимъ, что Кіево-Могилянская коллегія была устроена по образцу іезуитскихъ коллегій. Характеръ преподаванія былъ схоластическій, особенно въ философскомъ и богословскомъ классахъ. Чтобы дойти до этихъ классовъ, надо было пройти подготовительные классы, грамматическіе, піитику, риторику. По окончаніи каждой трети года ученикамъ низшихъ классовъ производились экзамены. Въ старшихъ классахъ (философіи и богословіи) не было испытаній; но зато были диспуты по субботамъ; въ концѣ же cadaго года происходили диспуты публичные. Латинскій языкъ здѣсь процвѣталъ: на немъ излагались всѣ

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 117.

науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса; на немъ писались ученическія сочиненія, производились диспуты.

Латинскій языкъ былъ обязателенъ въ разговорахъ внѣ-классныхъ¹⁾. Существовали особые листки (*calculi*), вложенные въ деревянные футляры. На такомъ листкѣ записывалось имя ученика, который въ разговорѣ по-латыни ошибался или употреблялъ хотя одно слово не латинское. Этотъ листокъ оставался у того, кто провинился, до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось передать его другому, пойманному въ промахѣ. Особенно было плохо тому, у кого этотъ листокъ оставался на всю ночь: тогда на листкѣ отмѣчалось: «*pernoctavit apud dominum N*», и злосчастный «*dominus*» подвергался строгому наказанію. Вторымъ по важности считался славянскій языкъ; на низшей степени былъ греческій языкъ. На латинскомъ языкѣ дѣлались очень часто упражненія (*occupationes*). На многихъ письменныхъ работахъ ученики дѣлали надписи: «*de erratis*», «*de calligraphia*», «*de diligentia*». Это значило, что ученикъ хочетъ превзойти кого-либо изъ своихъ товарищей въ правописаніи или прилежаніи и занять лучшее мѣсто въ классѣ. Особенно характерны надписи: «*de pane*», «*candella*», «*indusio*», «*calceis*», и т. п. Эти слова заставляли бѣдняковъ надписывать нужда въ хлѣбѣ, рубашкѣ или обуви. Если работа съ подобной надписью была хороша, преподаватель въ пользу автора взыскивалъ требуемое съ учениковъ достаточныхъ, но лѣнивыхъ и безуспѣшныхъ. Для спрашиванія уроковъ назначались изъ учениковъ старшіе (*auditores*), которые отмѣчали степень знанія подчиненныхъ имъ учениковъ въ особые списки (нотаты). По субботамъ производилась расправа съ лѣнивыми. Въ классахъ сидѣли по успѣхамъ: лучшіе занимали передній столъ, который назывался «*senatus*». Изъ приведеннаго видно, что іезуитская система воспитанія, основанная главнымъ образомъ на возбужденіи соревнованія, сильно отразилась на характерѣ воспитанія въ Кіевской академіи. Во всѣхъ главныхъ чертахъ Московская академія сходилась съ Кіевской. Въ исторіи первой находимъ

¹⁾ Макарій Булгаковъ. Исторія Кіевской Духовной Академіи, стр. 59 и 75.

нѣкоторыя подробности относительно преподаванія. Въ низшемъ классѣ (или школѣ, какъ обыкновенно тогда говорилось) учили славяно-русскому языку—это была приготовительная школа. Учителемъ ея обыкновенно назначался студентъ богословія или философіи. Въ этомъ классѣ обучались азбукѣ, слову, псалтыри и письму. Этотъ классъ былъ самый многочисленный. Во второмъ классѣ, или школѣ (фара, или аналогія), учили читать и писать по-латыни. Третій классъ (инфима) занимался изученіемъ первыхъ грамматическихъ правилъ славяно-русскаго и латинскаго языковъ. Учитель слѣдующаго класса (грамматика) продолжалъ преподавать первую часть латинской грамматики и всю славянскую. Духовный Регламентъ требовалъ, чтобы при переводахъ брались такія статьи, которыя могли бы дать понятіе ученикамъ о географіи и исторіи. Въ грамматическомъ же классѣ начинали преподаваніе ученія катехизическаго и ариометики. Затѣмъ слѣдовалъ высшій грамматическій классъ (синтаксима); здѣсь преподавался синтаксисъ латинскій, и продолжалось изученіе катихизиса, ариометики и географіи съ исторіей (при переводахъ съ латинскаго языка). Закончивши здѣсь грамматику, ученики переходили въ слѣдующіе классы: піитику, потомъ риторику. Въ обоихъ этихъ классахъ ученики должны были дѣлать очень часто практическія упражненія. Затѣмъ слѣдовали курсы философскій и богословскій; въ первомъ префектъ академіи училъ логикѣ, физикѣ, метафизикѣ и политикѣ, а во второмъ—ректоръ преподавалъ богословіе ¹⁾. Курсъ богословія продолжался четыре года, философіи—два, піитики и синтаксисы—по одному; въ прочихъ школахъ могли переходить изъ низшихъ въ высшіе черезъ полгода или по прошествіи трети. Ломоносовъ, какъ извѣстно, прошелъ въ одинъ годъ три класса. Можно также было и сидѣть по нѣсколько лѣтъ въ одномъ классѣ: были личности, которыя кончали курсъ черезъ 20 лѣтъ послѣ поступленія; и потому нерѣдко случалось, что студенты богословія при окончаніи курса имѣли по 35 лѣтъ и болѣе. Относительно классной жизни здѣсь находимъ такой же порядокъ, какъ и въ Кіевской академіи: тѣ же,

¹⁾ Смирновъ. Исторія Моск. Дух. Академіи, стр. 109.

аудиторы, нотаты, непремѣнные разговоры на латинскомъ языкѣ, тѣ же occupationes и диспуты философовъ и богослововъ. И здѣсь схоластика господствовала во всей силѣ, приучая умъ къ утонченнымъ и бесполезнымъ изслѣдованіямъ. Для рѣшенія задавались по богословію, напримѣръ, такіе вопросы: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? какъ они мыслятъ и понимаютъ,—посредствомъ соединенія, различенія или какъ-нибудь иначе? какимъ образомъ они сообщаютъ другъ другу свои мысли? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? и т. п. ¹⁾ Разборы подобныхъ вопросовъ должны были дѣлаться по одному и тому же, заранее данному, рецепту. Методъ въ изложеніи наукъ философскихъ тоже схоластическій: форма господствуетъ надъ содержаніемъ. Болѣе вниманія обращается на то, чтобы доказательства были построены по формѣ правильно, по извѣстной программѣ. Схоластика не дѣлала особеннаго различія между главными вопросами науки и второстепенными; чѣмъ вопросъ былъ замысловатѣе, чѣмъ болѣе давалъ возможности выказать діалектическую тонкость ума, тѣмъ онъ долженъ былъ болѣе нравиться истому схоласту. Систематика доведена была до крайности; содержаніе науки было разобщено на мельчайшіе отдѣлы и подраздѣленія. Расчлененная до послѣдней степени наука мало дѣйствовала на умъ, но крайне бременила память. Особенно въ этомъ отношеніи страдала схоластическая логика. Въ основаніи философскаго преподаванія лежали сочиненія Аристотеля въ разработкѣ средневѣковыхъ схоластовъ. Читались: физика (умозрительная), метафизика, психологія и иѳика. Физика разсуждала, между прочимъ, о дѣйствующей причинѣ сотворенной и несотворенной, о томъ, какъ Богъ вступаетъ въ сношеніе съ тварями, о твореніи, сохраненіи, о причинахъ формальной и конечной и т. п. Въ психологіи разрѣшались вопросы въ родѣ слѣдующихъ: отчего у стариковъ выпадаютъ волосы, отчего у женщинъ не растетъ борода и проч. ²⁾ Риторика словно старалась сдѣлать излишнимъ талантъ. Она не была изложеніемъ законовъ краснорѣчія,

¹⁾ Ibid., стр. 144.

²⁾ Ibid., стр. 165.

научнымъ образомъ выведенныхъ изъ лучшихъ образцовъ, а давалась фальшивой цѣлью научить краснорѣчію, и потому обращалась въ схоластическіе рецепты, по которымъ можно было составлять рѣчи. Кромѣ образцовъ упражненій всякаго рода, ученики должны были заучивать наборъ словъ и выраженій, относящихся къ украшенію рѣчи, должны были знать множество оборотовъ и все болѣе изъ міеологіи древнихъ. Заучивались списки словъ, содержащіе имена существительныя и прилагательныя, служація къ похвалѣ или порицанію (*nomina laudis et vituperii*). Преподаются правила, какъ похвалить цѣлую область, городъ, зданіе, садъ, растеніе и т. п. Заучивши всѣ эти правила, не трудно было и самому безталанному чело-вѣку написать рѣчь, которая была, по его мнѣнію, правильна, а слѣдовательно и хороша. Подобная риторика содѣйствовала обилію бездарныхъ, дѣланныхъ рѣчей. Піитика и грамматика также представляли собранія правилъ, которыя касались внѣшней формы стихосложенія и языка и должны были также усваиваться памятью. Схоластическій характеръ преподаванія, какъ извѣстно, почти до нашихъ временъ держался въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя, конечно, въ меньшей степени. Люди, богато одаренные, выходили изъ подобныхъ школъ съ сильно развитыми діалектическими способностями отъ безпрестанныхъ умозрительныхъ упражненій, съ привычкой къ громадному труду, хотя бы и сухому, и скучному, и когда случайно наталкивались на настоящую науку, то являлись въ ней замѣчательными дѣятелями. Но такихъ были десятки; сотни же, менѣе одаренныхъ, тупѣли и гибли безвозвратно, утративъ всякій умственный интересъ, и вынесли изъ школы только привычку умствовать да витійствовать. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ изъ академіи вышло немало полезныхъ дѣятелей для церкви и государства. Особенно важно было то, что въ академіяхъ давался ключъ къ наукѣ того времени—знаніе латинскаго языка. Тогда, какъ извѣстно, ученые трактаты писались преимущественно на латинскомъ языкѣ. Большинство учениковъ, не доходя до философіи, выходило изъ академіи и поступало въ другія спеціальныя заведенія, основанныя Петромъ. Но съ другой стороны много людей малоспособныхъ, Кутейкиныхъ, убоявшихся бездны

премудрости, выходило изъ грамматическихъ или риторическихъ классовъ и поступало въ наставники низшихъ школъ, учрежденныхъ при Петрѣ, и здѣсь они приносили значительную долю вреда учащимся своими способами преподаванія и принизили въ глазахъ общества на долгое время званіе учителя.

Петръ заботился о томъ, чтобы въ академію былъ открытъ доступъ всѣмъ желающимъ учиться, чтобы не старались ограничиваться извѣстнымъ числомъ ¹⁾. Желающихъ занять церковно-служительскія мѣста Петръ обязывалъ обучаться не только въ низшихъ классахъ, но и въ высшихъ латинскихъ или греческихъ школахъ. Кто же не выполнялъ этихъ требованій, тотъ не могъ получить мѣста священника или дьякона, не могъ поступить и въ подьячіе: ему предоставлялся только солдатскій чинъ (по указу 1708 г. Генваря 15 и 1710 г.) ²⁾. Особенно важенъ въ исторіи духовнаго образованія Духовный Регламентъ (1721 г. Генваря 25). Здѣсь во главѣ объ епископахъ выражено желаніе, чтобы всякій епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу для дѣтей священническихъ, или и другихъ, предназначенныхъ въ священничество. Требуется, чтобы учитель училъ здѣсь «не токмо чисто, ясно и точно въ книгахъ честь (что хотя нужно, обаче еще недовольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть». Епископъ, который поставилъ бы въ священничество или въ монашескую степень неученаго, грозило наказаніе по опредѣленію Синода. Чтобы родители не роптали за издержки на обученіе дѣтей (плата за ученіе, за книги, за содержаніе дѣтей вдали отъ дому), опредѣлялось, «чтобы ученики и кормлены и учены были даромъ (туне) и на готовыхъ книгахъ епископскихъ». На прокормленіе учениковъ обязаны были монастыри присылать $\frac{1}{20}$ часть получаемого ими хлѣба. Регламентъ этимъ не ограничивался, но выражалъ желаніе, чтобы преподаваніе по мѣрѣ возможности расширялось. По программѣ, предъявленной Регламентомъ, весь кругъ преподаванія въ полномъ его видѣ долженъ былъ оканчиваться въ 8 лѣтъ и представлялъ въ сокращенномъ видѣ все то, что проходило въ Московской академіи. Характерно наставленіе Регла-

¹⁾ Полн. собр. законовъ, т. IV, ст. 1870.

²⁾ Ibid., т. IV, ст. 2186 и 2308.

мента относительно испытанія желающихъ поступить въ эти заведенія. Требовалось испытать память и остроуміе держащаго экзамень, и если оказывался весьма тупъ, то не принимать въ академію, потому что напрасно лѣта потеряеть, не научится ничему и о себѣ возмечтаетъ, что онъ мудрый, «отъ таковыхъ», говоритъ Регламентъ, «нѣсть горшихъ бездѣльниковъ». А чтобы кто-нибудь изъ испытуемыхъ не прикидывался тупымъ, «желая отпуску въ домъ», какъ то дѣлають другіе, притворяясь немощными, чтобы отбыть отъ солдатства, то испытанію ума положить цѣлый годъ.

Задавшись слишкомъ большою задачею, Регламентъ, однако, прибавляетъ, что необходимо, чтобы былъ при академіи, «или въ началѣ и безъ академіи», семинаріумъ для ученія и воспитанія дѣтей. Ученики въ этихъ семинаріяхъ, по Регламенту, должны были содержаться подъ строгимъ надзоромъ. Отпуски были очень рѣдки и то съ большими предосторожностями: «До трехъ лѣтъ по приходѣ всякаго въ семинарію не испускать никуда, а и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволять выйти въ гости къ родителямъ или сродникамъ». При этомъ питомцевъ должны были сопровождать особые надзиратели (инспекторы). Такимъ образомъ, въ Регламентѣ является мысль объ учрежденіи семинарій, какъ подготовительныхъ къ академіи училищъ, въ видѣ закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній. Но мысль устроить академіи или даже низшія училища, но съ опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, была неосуществима по недостатку учителей. Это видно изъ указа 1722 г. мая 31, въ которомъ отмѣняются, между прочимъ, постановленія 1714, 1716 и 1720 годовъ, опредѣлявшія, чтобы дѣти духовнаго званія были опредѣляемы въ арифметическія школы. Теперь было указано учить этихъ дѣтей въ архіерейскихъ школахъ. Въ этомъ указѣ сознается невозможность выполнить во всей полнотѣ то, что требовалъ Духовный Регламентъ, по недостатку учителей («за скудостью довольныхъ къ сему учителей»); и поэтому указывается учить въ архіерейскихъ школахъ дѣтей, предназначенныхъ въ духовное званіе («въ надежду священства опредѣленныхъ»), читать и писать; при этомъ указывалось, чтобы ученики изучали буквари и славянскія грамматики. Опять повторялось, что учить

должно «не только чисто, ясно и точно по книгамъ читать, но и разумѣть»; затѣмъ указъ прибавляетъ, чтобы учителя старались ученикамъ «оныя буквари въ твердую память положить, дабы изустно читать могли; и какъ уже тѣхъ букварей совершенно они изучатся и писать понавыкнуть, тогда начинать имъ во обученіе словенскую грамматику, какъ уже въ Новгородской епархіи такое въ школахъ и букварное тверженіе и грамматическое ученіе, не точію при архіерейскомъ домѣ въ великомъ Новѣ-городѣ, но и въ прочихъ городахъ и уѣздахъ дѣйствительно является». Наконецъ, указъ предписываетъ усердно радѣть о преподаваніи ариметики и нужнѣйшей части геометріи, «дабы они (ученики) обоихъ вышеозначенныхъ и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искусны». Такимъ образомъ, мы видимъ, что этотъ указъ представляетъ требованія, гораздо болѣе исполнимыя, чѣмъ предъявленныя Духовнымъ Регламентомъ. Заботы правительства объ образованіи духовенства, какъ видно, не находили большаго сочувствія въ духовной средѣ, потому что указъ 1723 г. сентября 1 говоритъ: «Набирать въ школы всѣхъ тѣхъ, которые учиться могутъ; и которые въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею и учить ихъ къ надеждѣ лучшаго священства».

Изъ приведенныхъ указовъ видно, что въ законодательныхъ мѣрахъ относительно распространенія образованія въ русскомъ духовенствѣ недостатка не было. Но эти мѣры встрѣчали на практикѣ сильныя затрудненія; мало было средствъ, учителей, мало было охотниковъ посылать своихъ дѣтей въ школы. Законодательная власть должна была все болѣе и болѣе ограничивать свои требованія, съ другой стороны — давать всякія льготы: даровое обученіе и содержаніе, освобожденіе отъ повинностей и пр. И все-таки приходилось приказывать, чтобы силою брали учениковъ въ школы («имать неволею»). Но какъ ни противилась дѣйствительность намѣреніямъ Петра, указы его все-таки сдѣлали очень много для образованія духовенства. Въ 1727 г. іюля 14-го Верховный тайный совѣтъ потребовалъ отъ Синода свѣдѣній о школахъ, которыя по Духовному Регламенту должны были существовать во всѣхъ епархіяхъ. Изъ представленныхъ по этому требованію свѣдѣній изъ 25 епархій видно, что большинство школъ

было устроено въ двадцатыхъ годахъ послѣ обнародованія Духовнаго Регламента и указовъ Петра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не явилось училищъ за «неимуществомъ монастырей», за «скудно-стью епархій» и за недостаткомъ учителей (Крутицкая, Переяславская, Астраханская и Воронежская епархіи). Въ другихъ епархіяхъ по смерти Петра школы стали закрываться и ученики распускались по домамъ, главнымъ образомъ, по недостатку содержанія и учителей (Ростовская, Вологодская, Суздальская епархіи). Въ Ростовской епархіи, распуская учениковъ, брали съ родителей ихъ обязательства (сказки), «дабы родители обучали сыновей своихъ показаннымъ наукамъ въ домѣхъ своихъ»¹⁾.

Большинство архіерейскихъ школъ по объему преподаванія ограничивалось только первоначальнымъ обученіемъ, т. е. были только славяно-русскіе классы, гдѣ учили читать, писать, изучали буквари, часословъ, псалтырь. Въ немногихъ школахъ доходили до грамматики. Это зависѣло отъ наставниковъ: если попадались изъ нихъ люди свѣдущіе, если учениковъ было много, и находились изъ нихъ охотники продолжать многотрудное ученіе, то шло преподаваніе и дальше. Учителя, какъ мы уже сказали, являлись изъ академій Кіевской и Московской. Кончавшіе въ нихъ полный курсъ могли занять преподавательскія мѣста въ самыхъ академіяхъ. Что же касается иногородныхъ семинарій, то туда поступали дошедшіе до философіи или даже до риторики²⁾. Въ лучшемъ положеніи по количеству учениковъ и по объему преподаванія, послѣ Кіева и Москвы, находились школы въ Бѣлоградской, Черниговской, Новгородской и Нижегородской епархіяхъ. Въ первый курсъ преподаванія доходилъ даже до философіи, въ остальныхъ—до риторики. Хотя далеко не вполне осуществилась мысль Петра: не при всѣхъ епископахъ находились школы; возникшія школы далеко не достигали того, чего желалъ онъ, но тѣмъ не менѣе начало было положено. Преемникамъ Петра оставалось только довершить то, что онъ началъ. Все, что было сдѣлано Петромъ для образованія духовенства, показываетъ, что онъ вполне со-

¹⁾ Пекарскій, т. I, стр. 109 и слѣд.

²⁾ Смирновъ, стр. 227.

знавалъ необходимость поднять умственный и нравственный уровень духовенства. Религіозное чувство, столь необходимое для нравственнаго благосостоянія народа, начинало уже глоснуть подъ вѣшними наростами. Суевѣріе и фанатизмъ развивались очень легко на почвѣ невѣжества. Надо было положить этому предѣлъ. Но духовныя училища съ ихъ учебнымъ строемъ по идеѣ принадлежать до-петровскому времени. Петръ только способствовалъ осуществленію этой идеи на дѣлѣ.

Совершенно новымъ дѣломъ, небывалымъ до Петра, были свѣтскія спеціальныя училища. Первымъ изъ нихъ является математическая, или навигаторская школа. Извѣстна страсть Петра къ морскому дѣлу. Сознавая необходимость флота для Россіи, онъ почти исключительно съ цѣлью познакомиться съ кораблестроеніемъ и мореплаваніемъ отправился въ свое первое заграничное путешествіе. Понятно, почему и первымъ спеціальнымъ училищемъ является морское, гдѣ водворяется математика.

Она до Петра вовсе не была изучаема въ Россіи. Иностранцы, посѣщавшіе наше отечество до XVIII вѣка, говорятъ, что русскіе были совсѣмъ несвѣдущи въ математикѣ. Существованіе двухъ-трехъ рукописей съ математическимъ содержаніемъ не можетъ служить опроверженіемъ высказанному положенію. Есть свѣдѣнія, которыя показываютъ, что на математическія книги смотрѣли даже съ суевѣрнымъ страхомъ. Это объясняется тѣмъ, что на Русь заходили книги астрологическія, предсказывающія будущее, повидимому, на основаніи математическихъ выкладокъ. Въ списокъ книгъ, которыми Стоглавъ запрещалъ заниматься, встрѣчаются: Остромія (астрономія), зодіи, звѣздочеты и т. д. Подобныя книги, не имѣя научнаго основанія и заключая въ себѣ толкованіе будущей судьбы, различныя примѣты, откровенія будущаго, основанныя будто бы на вычисленіяхъ, дѣйствительно, могли содѣйствовать развитію суевѣрій. При крайнемъ умственномъ невѣжествѣ, смѣшивая настоящія математическія книги съ вышеприведенными, стали смотрѣть на занятіе математикой, какъ на чернокнижье, волшебство. Хотя русскіе могли бы задолго до Петра сознать всю практическую пользу математики: зодчіе, литейщики, размыслы (инженеры),

какъ извѣстно, задолго до Петра стали призываться въ Россію; русскіе, по крайней мѣрѣ, стоявшіе близко къ этимъ мастерамъ, не могли не знать, что математика необходима для этихъ людей. Но суевѣріе и религіозная нетерпимость не позволяли русскимъ учиться у иностранцевъ. Съ другой стороны есть основаніе думать, что и нѣкоторые правители, даже призывавшіе иностранцевъ, не особенно желали, чтобы математическія знанія распространялись въ народѣ. Маскѣвичъ, ведшій свой дневникъ съ 1594 г. по 1621 г., рассказываетъ слѣдующій случай: «Бояринъ Головинъ рассказывалъ мнѣ, что одинъ изъ нашихъ (польскихъ) купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою въ Москву кипу календарей; царь (Іоаннъ IV), узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принести къ себѣ. Русскимъ онѣ казались очень мудреными; самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова; посему, опасаясь, чтобы народъ не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить, сколько потребовалъ, а книги сжечь...»¹⁾.

До нашего времени дошли народныя легенды о Брюсѣ и Сухарева башнѣ, куда въ 1702 году было переведено математическое, или навигаціонное училище, учрежденное въ Москвѣ въ 1699 г. Въ глазахъ суевѣрнаго народа Сухарева башня была хранилищемъ всякаго волшебства: отсюда произошли преданія о Брюсѣ, который здѣсь добывалъ свой элексиръ безсмертія, о черной книгѣ, которая хранилась въ башнѣ, оберегаемая 12-ю духами, и впослѣдствіи была задѣлана въ стѣну, заколоченную алтынными гвоздями, и т. п.²⁾.

Устройство навигаціонной школы было поручено англичанину Фарварсону. Онъ былъ вызванъ въ Россію Петромъ въ 1698 году изъ Абердинскаго университета, гдѣ былъ профессоромъ. Даже въ официальныхъ бумагахъ сохранилось извѣстіе о значеніи этого англичанина въ исторіи русскаго просвѣщенія и о томъ, что съ помощью его «первое обученіе математики въ Россіи введено, и едва ли не всѣ при флотѣ (писано въ 1737 г.) російскіе подданные, отъ высшихъ и до низшихъ, къ морепла-

¹⁾ Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. V, стр. 67.

²⁾ Моск. Вѣдомости, 1857. № 68.

ванію въ навигацкихъ наукахъ обучены» ¹⁾. Содержалась эта школа на деньги, взимаемая съ царедворцевъ ²⁾. Въ преподаваніи Фарварсону помогали два его соотечественника, Стефанъ Гвинтъ и Ричардъ Грейсъ. Въ числѣ преподавателей находился и извѣстный Леонтій Магницкій, составитель первой печатной ариеметики на славяно-русскомъ языкѣ. Въ это училище велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ и другихъ чиновъ отъ 12 до 17 лѣтъ; но потомъ, такъ какъ учениковъ требуемыхъ лѣтъ являлось мало, то стали принимать и двадцатилѣтнихъ. Школа эта находилась въ вѣдѣніи Оружейной палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка Курбатова. Отъ 1703 г. сохранилось письмо послѣдняго о состояніи школы, въ которомъ онъ жалуется, что англичане учатъ ихъ (учениковъ) чиновно, а когда временемъ и загуляются или, по своему обыкновенію, почасту и долго проспятъ. Въ концѣ письма находимъ: «учители учатъ нерадѣтельно, а ежели бы не опасались Магницкаго, многое бы у нихъ было продолженіе, для того, что которые учатся остропонятно, тѣхъ бранятъ и велятъ дожидаться меньшихъ» ³⁾. Впрочемъ, эти укоры относятся только къ помощникамъ Фарварсона. Объ этой же школѣ упоминается въ письмѣ Гюйссена къ Лейбницу 23-го декабря 1703 г.: «Его Величество держитъ здѣсь въ отличномъ дворцѣ нѣсколько англичанъ, которые обучаютъ ежедневно математикѣ и навигаціи двѣсти или триста человекъ; мало того, что царь хорошо платитъ учителямъ, но и всякій ученикъ, молодой или старый, получаетъ въ день по десяти копѣекъ и больше, и послѣ двухъ или трехъ лѣтъ по окончаніи курса нѣсколько сотъ рублей и должность во флотѣ» ⁴⁾. Въ Вѣдомостяхъ, изданныхъ въ Москвѣ 2 января 1703 г., сказано: «Въ Математической Штурманской школѣ болѣе 300 человекъ и добре науку приемиетъ». Тотъ же Курбатовъ пишетъ про математическія школы въ томъ же году: «Нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдають въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейторскія дѣти и мо-

¹⁾ Пекарскій, т. I, 122. Устряловъ, III, 101.

²⁾ Пол. Собр. Зак., IV, 2542.

³⁾ Соловьевъ, XV, 99-100.

⁴⁾ Герье. 55.

людые изъ приказовъ подъячіе приходять съ охотою немалою». Если «и припознали сладость науки», какъ пишетъ Курбатовъ, то не съ самаго начала. Высшее сословіе отдавало своихъ дѣтей въ эту школу весьма неохотно: трудность ученія при суровости воспитательныхъ мѣръ, боязнь опасной морской службы, наконецъ, вѣроятно, и суевѣрное отвращеніе къ математикѣ, наукѣ заморской, небывалой на Руси въ благочестивыя старыя времена, заставляли многихъ смотрѣть недоброжелательно на эту школу. Но Петръ, не любившій противорѣчій, не останавливался предъ крутыми мѣрами и бывалъ иногда строгъ до жестокости: говорить, онъ посылалъ уклоняющихся отъ ученія на Сухаревой башнѣ дворянъ въ Петербургъ, гдѣ заставлялъ ихъ на Мойкѣ вколачивать сваи ¹⁾.

Въ 1715 г., 1 октября, была учреждена въ Петербургѣ Морская академія для обученія гардемариновъ, набранныхъ изъ молодыхъ шляхетскихъ дѣтей. Для академіи велѣно было отдать дворъ Кикина близъ Адмиралтейства и пристроить къ нему, сколько надо, новыхъ палатъ. Въ этой академіи Петръ указалъ учить навигаціи и сухопутному солдатскому артикулу. Для преподаванія опредѣлено нѣсколько человекъ англичанъ (переведенныхъ изъ Москвы), также и изъ русскихъ первыхъ навигаторовъ, которые учились прежде въ Московскомъ Навигаторскомъ училищѣ ²⁾. Для Морской академіи самъ Петръ опредѣлилъ такую программу. «Учить дѣтей: 1) ариѳметикѣ, 2) геометріи, 3) фехтъ или пріемы ружья, 4) артиллеріи, 5) навигаціи, 6) фортификаціи, 7) географіи, 8) знанію членовъ корабельнаго гола (кузова) и такелажа, 9) рисованью» ³⁾.

При адмиралтействѣ находились, конечно, немало всякихъ мастеровыхъ. Петръ обратилъ вниманіе и на ихъ дѣтей и повелѣлъ ихъ «обучать грамматикѣ (грамотѣ), цифири и плать-геометріи, дабы потомъ могли добрыми мастеровыми быть. Для чего особливую школу имѣть» ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Вѣдомости 1857 г., № 68.

²⁾ Журналъ или поденная записка государя императора Петра В. 1770 г., 2 ч. стр. 2. Полн. Собр. Зак., 2973.

³⁾ Полн. Собр. Зак., 3276 и 3973. Регламентъ Адм. и верфи.

⁴⁾ См. Регламентъ Адм. и верфи.

Петръ положилъ основаніе и изученію медицины, которая, какъ извѣстно, находилась въ такомъ же положеніи въ до-петровской Руси, какъ и математика. По повелѣнію государя, въ 1706 г., въ Москвѣ, на Яузѣ, основанъ первый военный госпиталь и при немъ хирургическая школа. Основателемъ и распорядителемъ ея былъ докторъ Николай Бидлоо. Изъ прошенія его, писаннаго въ 1712 г., видно отчасти положеніе этой школы. «Въ семь госпиталѣ благоволили Ваше Величество, чтобъ я сего (русскаго) народа нѣсколько молодыхъ людей, которые голландскаго и латинскаго языка искусны были, хирургіи по основанію анатомическому научилъ...» Далѣе Бидлоо говоритъ, что студенты подъ его руководствомъ учились «анатоміи, хирургіи и искусству травъ. И въ семь мню, что они во время отъ четырехъ до пяти лѣтъ толико въ анатоміи и хирургіи обыкли, что я лучшихъ изъ сихъ студентовъ Вашего Царскаго Величества освященной особѣ или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имѣютъ знанія одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежитъ, но и генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ отъ главы и даже до ногъ съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ, како ихъ лечить...» Затѣмъ въ припискѣ говоритъ: «Взялъ я въ разныхъ годѣхъ и числахъ 50 человѣкъ для науки хирургической, которыхъ 33 осталось, 6 умерло, 8 сбѣжали, 2 по указу въ школу взяты, 1 за невозддержаніе отданъ въ солдаты» ¹⁾. Указомъ 1719 г. 23 мая повелѣвалось изъ школъ учениковъ, знающихъ латинскій и нѣмецкій языки, отослать 30 человѣкъ къ доктору Блументросту для наученія медицины ²⁾. Въ Регламентѣ Адмиралтейства и верфи указано «чинить часто разобраніе анатомическимъ тѣламъ человѣческимъ, при чемъ лѣкари, гезели (помощники лѣкарскіе) и ученики должны быть, которымъ долженъ толковать (преподаватель) о всѣхъ членахъ и болѣзняхъ и о лѣкарствахъ пристойныхъ... а особливо которыя болѣзни будутъ странныя отнюдь не пропускать безъ анатоміи». Самъ Петръ, какъ извѣстно, имѣлъ свѣдѣнія въ анатоміи и, понимая

¹⁾ Пекарскій, I. 132.

²⁾ П. С. З., V, 3375.

важное значеніе ея, часто посѣщаль во время заграничныхъ путешествій анатомическіе театры. Въ 1721 году 10 ноября послѣдовалъ именной указъ объ учрежденіи школы для обученія подъячихъ ариметикѣ и письмоводству: «учинить школу, гдѣ учить подъячихъ ихъ дѣлу, а именно цифири, и какъ держать книги (бухгалтеріи), ко всякому дѣлу пристойныя, и кто тому не выучится, къ дѣламъ не употреблять; къ сему ученію опредѣлить, а именно ариметику, формъ книгамъ, табели, стиль письма и прочее, что доброму подъячему надлежитъ, куда бы приказные люди дѣтей своихъ повинны были отдавать, такожь изъ стороны кто похочетъ быть приказнымъ» ¹⁾. Въ 1721 г. учреждена была должность герольдмейстерская. Герольдмейстеръ долженъ былъ имѣть списки дворянъ: 1) кто у дѣлъ какихъ и гдѣ, 2) кто безъ дѣлъ и 3) дѣтей ихъ, которыя еще не въ возрастѣ. Ему вмѣнялось также въ обязанность устроить школу. Вотъ какъ выражена мысль Петра о ней: «Понезже у насъ ученіе не гораздо вкоренилось, такожь и въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ, почитай, что ничего нѣтъ: того ради, пока академіи исправятся, чтобъ краткую школу сдѣлать и ему (герольдмейстеру) вручить, дабы отъ всякой знатной и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству; такожь смотрѣть ему, дабы въ гражданствѣ болѣе того отъ каждой фамиліи не было, дабы служилыхъ на землѣ и морѣ не оскудить» ²⁾. Изъ этихъ словъ, хотя и не вполне ясныхъ, видно сознаніе Петра въ необходимости подготовленія къ гражданской службѣ. Въ то же время онъ опасался, чтобы проектируемая школа не привлекла слишкомъ много боярскихъ и дворянскихъ дѣтей въ ущербъ военной службѣ. Потребность государства въ людяхъ и знаніяхъ возрастала годъ отъ году; но и тѣхъ, и другихъ было немного: приходилось позаботиться, чтобы, по крайней мѣрѣ, эти силы были распредѣлены равномерно по всеѣмъ государственнымъ учрежденіямъ.

Изъ специальныхъ заведеній упомянемъ еще объ инженерной школѣ. Она содержалась въ Москвѣ съ 1712 года. Математика,

¹⁾ П. С. З., V, 384б.

²⁾ Соловьевъ, 18 т., 138.

безъ сомнѣнія, занимала въ ней главное мѣсто. Петръ съ 1712 г. приказалъ: «Школу инженерную умножить, а именно сыскать мастера изъ русскихъ, который бы училъ цифири или на башню (Сухареву) для сего ученія посылать, а когда ариметику скончатъ, учить геометрію столько, сколько до инженерства надлежитъ, а потомъ отдавать инженеру учить фортификацію и держать всегда полное число сто человѣкъ или полтора, изъ которыхъ, чтобъ двѣ трети было изъ дворянскихъ дѣтей». Этотъ указъ не былъ исполненъ, и въ 1713 году послѣдовалъ другой, чтобы всѣхъ учениковъ было сто человѣкъ.

Заботясь о специальныхъ училищахъ, Петръ, конечно, скоро могъ замѣтить недостатокъ подготовительныхъ къ нимъ школъ. Кромѣ того, и то обстоятельство, что въ провинціи не было вовсе свѣтскихъ школъ, не могло не броситься въ глаза. Уже съ 1714 года Петръ заботится объ открытіи подготовительныхъ общественныхъ школъ. Эти школы имѣютъ характеръ общеобразовательныхъ училищъ. Въ 1714 г. 28 февраля послѣдовалъ указъ: «Во всѣхъ губерніяхъ, дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьяческихъ дѣтей, отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цифири и нѣкоторую часть геометріи, и для того ученія послать математическихъ школъ учениковъ по нѣскольку человѣкъ въ губернію къ архіереямъ и въ знатные монастыри, и въ архіерейскихъ домѣхъ и монастырѣхъ отвести имъ школы, и во время того ученія тѣмъ учителямъ давать кормовыхъ по 3 алтына по двѣ деньги на день, изъ губернскихъ доходовъ, которые по именному Е. И. В-ва указу отставлены, а съ тѣхъ учениковъ имъ себѣ отнюдь ничего не имать, а какъ ту науку тѣ ихъ ученики выучать совершенно, и въ то время давать имъ свидѣтельствоваанныя письма за своею рукою, и во время того отпуску съ тѣхъ учениковъ за то ученіе имать имъ себѣ по рублю съ человѣка; а безъ такихъ свидѣствованныхъ писемъ жениться ихъ не допускать и вѣчныхъ памятей не давать» ¹⁾.

Указомъ 1716 года 18 января подтверждается предыдущій указъ о цифирныхъ школахъ. Но встрѣчается и нѣкоторое измѣ-

¹⁾ П. С. З., V, 2777.

неніе: «Повелѣвается обучать дьячихъ, подьячихъ и всякаго чина дѣтей, окромѣ дворянскихъ». Можетъ быть, это измѣненіе вызвано было указомъ 1715 г. 20 декабря о высылкѣ знатныхъ дворянскихъ дѣтей въ Санктпетербургскую школу. Несмотря на повтореніе указа о цифирныхъ школахъ, на практикѣ дѣло шло очень медленно впередъ: въ 1719 г. Скорняковъ-Писаревъ, вѣдѣнію котораго были подчинены школы Псковская, Новгородская, Ярославская, Вологодская и Московская, доносилъ, что «во оныя школы (кромѣ одной Ярославской) въ высылкѣ учениковъ и во ученіи никого не было». Высылка дѣтей въ школы, дѣйствительно, для многихъ была крайне затруднительна и составляла тѣмъ болѣе тяжелую повинность, чѣмъ менѣе было сознаніе пользы школьнаго обученія. Посадскіе люди (Каргопольцы, Устюжане, Вологжане, Калужане и др.) подали въ 1720 г. въ сенатъ челобитье, въ которомъ жаловались, что ихъ принуждаютъ высылать дѣтей изъ Каргополя въ Новгородъ, изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги въ Москву, и принуждаютъ силою держать ослушниковъ въ тюрьмахъ и за карауломъ, тогда какъ дѣти ихъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ обучаются купечеству и вступаютъ въ торговые промыслы, сидятъ въ рядахъ за товарами, многіе изъ нихъ съ отцами и братьями ѣздятъ въ дальніе города для торговли. Если же дѣтей ихъ, купцовъ, будутъ брать въ школы, то они отъ своихъ промысловъ отстанутъ. Затѣмъ челобитчики просятъ, чтобы дѣтей отъ нихъ не отбирали въ школы, чтобы имъ (купцамъ) въ разореніе не придти и чтобы «въ положенныхъ на нихъ податяхъ и въ сборахъ таможенныхъ пошлинъ умаленія не было». Желаніе ихъ было исполнено: указомъ 1720 г. 30 апрѣля посадскіе люди были избавлены отъ обязанности высылать своихъ дѣтей въ ариѳметическія школы. Малый успѣхъ этихъ школъ и недостатокъ средствъ побудилъ въ 1723 году соединить цифирныя школы съ духовными, которыя, по опредѣленію Духовнаго Регламента, должны были быть при архіерейскихъ домахъ; но такъ какъ этихъ архіерейскихъ школъ тогда еще нигдѣ не было заведено, кромѣ Новгорода, то эта мѣра приведена была въ исполненіе только въ Новгородѣ. Въ томъ же указѣ было повторено, чтобы не принимались въ ученики имѣющіе болѣе пятнадцати лѣтъ, «дабы подъ именемъ той науки отъ

смотровъ и опредѣленія на службу не укрывались»¹⁾. Въ губерніи для образованія ариеметическихъ школъ было отправлено изъ Москвы и Петербурга 47 учителей; изъ нихъ 18 возвратились назадъ за неимѣніемъ учениковъ. Объ успѣхахъ обученія въ цифирныхъ школахъ можно судить отчасти по отчету, представленному изъ Рязани по требованію синода. Цифирная школа открыта въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ маѣ 1722 года, и учениковъ въ ней было 96; изъ нихъ обучены 4, выпущено въ канцеляристы 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ ариеметической школы самовольно». Эта школа была по указу 1723 г. присоединена къ епархіальной школѣ, когда послѣдняя открылась въ 1724 г.²⁾

Такимъ образомъ эти первыя общеобразовательныя школы, которыя при хорошемъ развитіи могли бы сдѣлаться прекраснымъ средствомъ для народнаго образованія, лишились скоро самостоятельнаго существованія и слились съ архіерейскими школами, въ которыхъ слѣдъ ихъ остался развѣ въ томъ только, что преподавалась начальная ариеметика; но все-таки архіерейскія школы имѣли болѣе спеціальный характеръ, и опредѣлялись въ нихъ преимущественно дѣти духовныхъ «въ надеждѣ священства».

Не могла осуществиться и другая мысль Петра о начальныхъ школахъ. Въ регламентѣ магистратскомъ находимъ слѣдующее: «Понеже академіи и школы дѣло есть дѣло нужное для обученія народнаго, въ чемъ уже по Е. Ц. В—ства высокому соизволенію и доброе начало учинено, дабы такое нужное и благоугодное дѣло по всей возможности въ дѣйство произвестъ; того ради надлежитъ магистрату учрежденія того не пренебрегать, но по должности всякое тому вспоможеніе чинить; а что до содержанія малыхъ школъ принадлежить, въ которыхъ токмо читать, писать и ариеметикѣ обучатися будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ магистратамъ самимъ имѣть стараніе»³⁾.

Нечего и говорить, какъ были нужны въ то время начальныя

¹⁾ П. С. З., VII, 4326.

²⁾ Пекарскій, I, 117.

³⁾ П. С. З., 3708. Реглам. маг., гл. XXI.

городскія училища, и сколько бы они могли принести пользы. Но изъ этого постановленія ничего путнаго не вышло, какъ и изъ самыхъ магистратовъ. Областная жизнь была до такой степени ничтожна; при московской государственной системѣ такъ мало проявлялась общественная жизнь, что и при Петрѣ, желавшемъ пробудить эту жизнь, общество на всякое данное ему право, если только оно было сопряжено съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ и дѣятельностью, смотрѣло, какъ на тяжелую повинность, и всѣми силами старалось отбыть ея.

Говоря объ училищахъ времени Петра, нельзя миновать школы Эрнста Глюка. Петръ черезъ два мѣсяца послѣ взятія Маріенбурга, 1703 г. 4 марта, назначилъ Глюку ежегодное жалованье въ 3000 (?) руб. съ тѣмъ, чтобы онъ открылъ въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцевъ и выбралъ самъ преподавателей. Глюку былъ данъ въ распоряженіе домъ боярина В. Θ. Нарышкина на Покровкѣ ¹⁾.

Глюкъ составилъ программу, изъ которой узнаемъ, какіе предметы преподавались, и какъ они были распредѣлены между 7 преподавателями. Эта программа носитъ такое заглавіе: «Глюкова программа, или приглашеніе къ російскимъ юношамъ, *аки мягкой и всякому изображенію удобной глины*». Затѣмъ слѣдуетъ витіеватое обращеніе къ ученикамъ, гдѣ между прочимъ говорится: «Внидите въ тайное пріятилище премудрости и къ благоухищеннымъ и паче злата драгоцѣннымъ сокровищамъ, и къ приготовленію различныхъ наукъ и вѣдомостей; внидите наипаче по монархскому государя вашего царя указу, который прозорливымъ желаніемъ и попеченіемъ воструждается тьму искусства отъ очей своихъ подданныхъ выстирати». Глюкъ въ своей программѣ объявляетъ, что у него въ школѣ будутъ преподаваться слѣдующіе предметы: философія картезіанская, ионика, политика, риторика, географія, ариметика; языки: латинскій, греческій, еврейскій, сирійскій, халдейскій, французскій и нѣмецкій; искусства: танцованіе, верховая ѣзда. Имѣлось въ виду также учить и хорошимъ манерамъ («тѣлесному благолѣпію»). Глюкъ умеръ въ 1705 году. Школа его перешла въ другія

¹⁾ Пекарскій, I, 127.

руки. Къ сожалѣнію, отсутствіе всякихъ данныхъ не позволяетъ хотя сколько-нибудь ближе познакомиться съ этимъ оригинальнымъ заведеніемъ.

Изъ краткихъ, отрывочныхъ извѣстій узнаемъ, что были школы собственно для изученія иностранныхъ языковъ. Въ Поденной запискѣ ¹⁾ говорится подъ 1699 годомъ объ учрежденіи навигаторской школы и сказано, между прочимъ, что вновь заведены школы нѣмецкія и другихъ языковъ. Затѣмъ извѣстно, что подъ вѣдѣніемъ графа Мусина-Пушкина въ 1711 г. было четыре разноязычныя нѣмецкія школы. Кромѣ того, при типографіи обучали иностраннымъ языкамъ. Послѣ преобразованія эллино-греческаго училища въ славяно-латинскую академію, изученіе греческаго языка водворилось при типографіи. Можно полагать, что въ этой же типографской школѣ преподавались французскій и нѣмецкій языки. Въ 1715 г. Петръ указалъ выслать въ С.-Петербургъ учителей нѣмецкой и французской школъ (классовъ?), принявъ у справщика печатнаго дѣла Ѳ. Поликарпова, и, прислать, если они плѣнные, то за карауломъ, а если неплѣнные, то съ провожатымъ. Изъ этого мы видимъ, что иногда плѣнники становились преподавателями ²⁾. Одинъ изъ плѣнныхъ, взятыхъ при Полтавѣ, фонъ-Врехъ, по направленію піэтистъ, завелъ въ Tobolskъ школу для дѣтей своихъ единовѣрцевъ. Эта школа приобрѣла такую репутацію, что и нѣкоторые русскіе отдавали въ нее своихъ дѣтей, хотя школа по ея характеру могла имѣть вліяніе на религіозное направленіе: она была основана на принципахъ Франке. Главныя занятія въ ней состояли въ чтеніи Библии, пѣніи псалмовъ, чтеніи молитвъ наизусть и по книгамъ. По уставу, воспитанники не могли говорить со своими наставниками о чѣмъ-либо другомъ, кромѣ божественнаго. Эта школа существовала до 1720 г. Наконецъ, Петръ задумалъ по примѣру западныхъ государствъ устроить академію наукъ. Совѣты Лейбница и его планъ академіи могли значительно содѣйствовать этой мысли. Хотя академія наукъ по существу своему есть ученое общество, на обязанности котораго лежитъ разработка, движе-

¹⁾ Журналъ или поденная записка Г. И. Петра В., Спб. 1770 г., 1, 7.

²⁾ П. С. З., № 2389. Соловьевъ, XVI, 307.